

Т. В. Дубровская
**К ДИСКУССИИ О МЕТОДИКЕ ПОСТРОЕНИЯ ЗАЩИТИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ:
КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ БЛОКИ И ТАКТИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

T. V. Dubrovskaya
**ON THE METHODOLOGICAL ISSUE OF MAKING A DEFENCE SPEECH:
COMMUNICATIVE-PRAGMATIC CHUNKS AND TACTICS
(BASED ON ENGLISH DATA)**

В статье автор рассматривает проблему построения защитительной речи и предлагает развить методику коммуникативно-прагматических блоков посредством выделения в составе блоков специфических тактик. Используя современный английский материал, автор показывает значимость данной методики.

In the article the author focuses on the issue of making defence speeches and advances the idea of developing the method of communicative-pragmatic chunks by specifying tactics within them. Using modern English data, the author demonstrates how the method works.

Ключевые слова: защитительная речь, адвокат, коммуникативно-прагматический блок, тактика, английский материал.

Key words: defence speech, barrister, communicative-pragmatic chunks, tactics, English data.

О защитительной речи адвоката написано немало, что обусловлено важностью функции, которую она выполняет в судебном заседании. Защитительная речь – это шанс адвоката на финальном этапе судебного процесса проявить себя в качестве профессионала с высокой коммуникативной компетенцией, возможно, исправить ошибки, совершенные ранее, и в результате отстоять интересы подзащитного. Принципиальная важность выступления адвоката в прениях подтверждается и недавним Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ №41-О10-47СП, согласно которому отказ адвоката от участия в прениях является ограничением права подсудимого на защиту, влекущим отмену приговора [Определение, 2010].

Работы лингвистов, посвященные речи адвоката, включают как статьи, обращенные к отдельным проблемам, например, композиционной организации защитительной речи [Кузнецова, 2006; Кыркунова, 2010], способам аргументации [Недашковская, 2004] или построению эффективного взаимодействия с присяжными [Sank, 2003], так и разделы в объемных пособиях, созданных для начинающих юристов [Введенская, Павлова, 2002; Ивакина, 2007; Evans, 1995]. В полной мере осознавая неоригинальность темы, мы тем не менее посчитали необходимым обратиться к ней еще раз, поскольку видим ряд проблем, с ней связанных.

Очевиден тот факт, что в поисках современного риторического идеала отечественные исследователи судебной речи и авторы пособий для современных юристов часто обращают свой взгляд назад, призывая ориентироваться на речи выдающихся юристов XIX–XX веков, а также древних ораторов. Так, В. В. Румынина пишет: «Ясность, точность, убедительность чрезвычайно важны для выступающего в суде. Судебные речи великих ораторов древности остаются образцами, по которым и ныне учатся будущие юристы. Немало таких образцов создала и отечественная судебная практика XIX и XX вв. Тем, кто хотел бы научиться красноречию, крайне полезен опыт судебных ораторов прошлого – С. А. Андреевского, Ф.Н. Плевако, Н. П.

Карабчевского, В. Д. Спасовича, В. И. Жуковского, А. Ф. Кони и других. Они жили в эпоху ренессанса русской риторики и благодаря высокому уровню своего риторического образования стали родоначальниками нового типа красноречия – судебного ораторства. Обращенные к суду присяжных, их речи были не только логически ясны и доказательны, но и ориентированы на живую традицию эстетики языка» [Румынина, 2007, с. 201].

Авторы другого пособия также считают необходимым возродить старые отечественные традиции судоговорения: «Россия всегда славилась блестящими судебными ораторами. Речи выдающихся русских юристов – К. К. Арсеньева, Н. П. Карабчевского, А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако, В. Д. Спасовича, А. И. Урусова и многих других – обладали огромной силой воздействия, приковывали внимание широкой общественности. Поэтому одной из главных задач риторического образования сегодня является изучение и возрождение традиций школы русского судебного красноречия, осознание ценности отечественного риторического идеала» [Введенская, Павлова, 2002, с. 3]. Ориентация на прошлое проявляется и в том, что даже в тех случаях, когда пособия по риторике включают современные тексты выступлений адвокатов и прокуроров, за основу анализа чаще всего берутся тексты позапрошлого столетия, иными словами, устаревшие тексты. Такой подход часто находит поддержку среди коллег-лингвистов. Так, авторы рецензии на пособие Н. И. Ивакиной отмечают его аргументированность и пользу для формирования умений и навыков судебного оратора [Артёмов, Катышев, 2008].

Не отрицая возможности использовать тем или иным образом накопленный в прошлых столетиях в отечественном судоговорении опыт, отметим, что в наших беседах с начинающими адвокатами г. Пенза последние высказали мнение о практической неприменимости результатов анализа ставших классическими речей известных адвокатов. Молодые юристы сетуют на отсутствие пособий по речевой коммуникации, ориентированных на реалии настоящего времени и современного судебного процесса. Исследователям судебной коммуникации, желающим разработать практические рекомендации для современных практиков юриспруденции, давно уже следует принять и учесть тот факт, что кардинальным образом поменялась вся жизнь, включая политическую и судебную системы, нравственные ценности, способы мышления и, наконец, сами типичные способы использования языка. Поэтому ориентироваться на риторический идеал, существовавший сто лет назад или даже в позднее Советское время, не совсем правильно. Нелепо требовать от адвоката XXI века говорить так, как говорил Плевако.

Замечание, сделанное опытным адвокатом С. И. Володиной в статье, посвященной защитительной речи, подтверждает невозможность применения подхода, который осуществлялся адвокатами при построении речи десятилетия назад. Отмечая обусловленность защитительной речи общими системными характеристиками уголовного процесса, С. И. Володина пишет: «Судебную речь возможно рассматривать как литературный жанр, такие попытки удавались талантливым и авторитетным практикам уголовной защиты (С.А. Андреевский), но в этом случае становилось факультативным ее практикоправовое значение. Условием практической применимости такого подхода было восприятие речи присяжными заседателями, которые, вне зависимости от образования и происхождения, мыслили категориями своего литературного века» [Володина].

Иными словами, эпоха определяет и способы мышления людей, и языковые формы, которые воплощают эти способы. Действительно, речи судебных ораторов XIX века глубоко художественны, что проявляется не только в специфическом типе нарратива, большом количестве «цветов красноречия», но и ссылок на Библию и даже

поэтические тексты того времени. Речь, построенная таким образом, в наши дни звучала бы по меньшей мере странно. Смена эпохи ведет к необходимости адаптировать язык и перестраивать речь в самых разных сферах жизни, в том числе в сфере права, где язык играет ключевую роль.

Известный английский адвокат и автор многих пособий по судебному говорению Кейт Эванс в одной из своих работ [Evans, 1995] предостерегает начинающих адвокатов от применения в суде устаревших подходов к судоговорению. Предлагая список классиков, у которых можно поучиться искусству говорить и в который попадают Демосфен, Цицерон и Лорд Эрскин (известный английский судебный оратор Викторианской эпохи), К. Эванс сразу оговаривается, что язык Демосфена имеет гораздо больше общего с языком Викторианской эпохи, чем с языком современности.

«Современный язык намного более живой. В наше время предложения короче. Слова, которые мы употребляем, в гораздо меньшей степени латинизированы. Наши ссылки и аллюзии гораздо реже отсылают слушателя к классическим текстам или Библии. Так происходит потому, что и наше образование, и образование аудитории изменилось... Никогда не забывайте, что ваши присяжные – это современные присяжные, образ мыслей и чувств которых является продуктом кино, телевидения, системы государственных льгот, желтых газет, фаст-фуда, тенденциозных новостей, электрических и электронных приспособлений. Их образ мыслей и чувств приобрел более визуальный характер, чем когда-либо за всю историю человечества. Они не привыкли к тому, чтобы иметь слово в качестве первичного источника информации и понимания, переключившись на зрительные образы и их наскоро отформатированные варианты», – пишет К. Эванс [Evans, 1995, 69] (*Перевод с английского здесь и далее мой. – Т. Д.*).

Размышления К. Эванса касаются главным образом выступлений в суде присяжных. Однако, как нам представляется, перечисленные черты современного человека в полной мере характеризуют также и судей, к которым во многих случаях обращена защитительная речь адвоката, поскольку судьи – такой же продукт эпохи, как и все остальные граждане. Рекомендую стиль речи для выступлений в суде, К. Эванс отмечает, что в наше время защитительная речь должна напоминать скорее аргументированное выступление по радио (a reasoned talk on the radio), чем образец красноречия с излишне высокопарными фразами и выразительной жестикულიацией [Evans, 1995, 69].

С учетом вышесказанного, мы считаем, что исследования судебной речи совершенно необходимо повернуть в сторону современности. Следует не только сформировать научную парадигму на основе исследований современных текстов (примеры таких работ включают [Девяткина, 2006; Красовская, 2008а; Красовская, 2008б; Дубровская, 2010; Кыркунова, 2010]), но и использовать результаты лингвистического анализа на практике, создав доступные и приемлемые методические рекомендации по судебной коммуникации для всех участников судебного процесса.

Первые шаги в методологическом направлении сделаны Л. Г. Кыркуновой, которая посвящает свою работу методике работы над композицией судебной речи [Кыркунова, 2010]. Основываясь на собственных наблюдениях над современными обвинительными и защитительными речами, исследователь выделяет в их составе коммуникативно-прагматические блоки, которые предлагает использовать в качестве минимальных текстовых единиц композиции. Л. Г. Кыркунова разделяет блоки на 1) информационные, выполняющие функцию передачи основной информации; 2) коммуникативные, выполняющие функцию установления и поддержания контакта с аудиторией; 3) смешанного характера, выполняющие функцию передачи

дополнительной информации. Исследователь приводит списки таких блоков для обвинительной речи и отмечает, что «в связи с тем, что процессуальная позиция защитника противоположна процессуальной позиции государственного обвинителя, некоторые блоки в текстах защитительных речей в значительной степени трансформируются, появляются новые» [Кыркунова, 2010, 304].

В целом соглашаясь с описанным подходом и утверждением о том, что подобный подход дает «хороший методический “ключ”, позволяющий обучаемому использовать предлагаемый ему набор по собственному усмотрению, выстраивать композицию речи, соотносясь с целью выступления и характером аудитории» [Кыркунова, 2010, с. 303–304], мы предлагаем внести в эту методику некоторые коррективы и дополнения.

Прежде всего, необходимо более точно обозначить типы коммуникативно-прагматических блоков и распределить блоки по группам. По нашему мнению, целесообразно выделить следующие группы блоков:

- блоки передачи основной информации;
- блоки передачи факультативной информации;
- метакоммуникативные блоки.

Первые два типа соответствуют 1 и 3 типам, выделенным Л. Г. Кыркуновой, и являются наиболее важными, определяя «огромную "информационную насыщенность" защитительной речи» [Володина].

Последний тип, если исходить из широкого понимания метакоммуникации [Stubbs, 1983, с. 48], ориентирован как на контроль речевого взаимодействия между коммуникантами, так и на контроль создаваемого в зале суда дискурса. Метакоммуникация составляет важную часть судебного дискурса, что было доказано нами на примере судейского дискурса [Дубровская, 2008]. Подробная классификация метакоммуникативных средств с точки зрения выполняемых ими функций, разработанная нами, применима не только к речи судей, но и к речи других участников судебного процесса.

В рамках конкретных коммуникативно-прагматических блоков, составляющих как информационную, так и метакоммуникативную часть судебной речи, мы предлагаем выделить набор наиболее распространенных, типичных прагмалингвистических тактик. Перечисление таких тактик призвано значительно облегчить юристу задачу составления речи. Полагая целесообразным использовать англоязычный опыт судебного разбирательства, в качестве материала для анализа мы использовали современный английский материал, а именно две защитительные речи, произнесенные в суде присяжных. Одна из них – это заключительная речь адвоката на процессе по делу серийного убийцы доктора Шипмана [Shipman, 2000]. Другая – речь в защиту подсудимого Хантли, обвинявшегося в убийстве двух малолетних девочек [Huntley, 2003].

Не имея возможности в рамках одной публикации подробно рассмотреть все **блоки передачи основной информации**, мы обратимся к одному, самому важному и объемному в защитительной речи. Этот блок можно обозначить как «**Дискредитация позиции обвинения**». В тексте защитительной речи на процессе по делу доктора Шипмана блок «Дискредитация позиции обвинения» реализуется за счет использования ряда **прагмалингвистических тактик**. Основные тактики блока связаны с главными принципами доказывания вины в судебном процессе (наличие мотива преступления, прямых и косвенных улик, надежность представленных доказательств) и включают следующие.

1. **Эксплицитное указание на не найденный прокуратурой мотив преступлений**. Для реализации данной тактики адвокат использует глагол *failed* со

значением «потерпеть неудачу», характеризующий действия прокуратуры. Вопросительные конструкции в речи адвоката призваны подчеркнуть нерешенность проблемы:

Then we come to the question, if the prosecution are correct, why he acted in this way. What is his motive? After all the evidence in this case, the weeks and the months of it -- we started at the beginning of October -- what the prosecution have manifestly failed to even raise, save in the case of Kathleen Grundy, is a motive. Why should this doctor murder 15 of his patients?

2. Указание на отсутствие прямых доказательств в деле и ответов на принципиальные для обвинения вопросы. Адвокат перечисляет целый ряд вопросов (всего 10), например, что за вещество вводилось жертвам, в каком количестве и каким способом, насколько близки были жертвы к подсудимому и т.п. Адвокат утверждает, что ответы на эти вопросы дать невозможно, поскольку отсутствуют прямые доказательства, что свидетельствует о недостаточно сильной позиции обвинения:

If this doctor, as the prosecution allege, deliberately administered a toxic substance to each of these 15 women, what was the substance? In what quantity? In what form was it administered? Was it oral? Was it intramuscular? Was it intravenous? Was it morphine? Was it diamorphine? Was it one dose or more than one dose? How proximate to the defendant was each woman? These questions are critical to any analysis of the evidence, and they are difficult, if not impossible, to answer, because there is no direct evidence of any action on the part of Dr. Shipman which actually caused the death of any one of these women<...>

3. Указание на недостаточность и ненадежность оснований для построения обвинения. Адвокат отмечает, что единственным основанием, на котором выстроено все обвинение, является токсикологическая экспертиза. Без нее обвинение было бы невозможно (*without it there would be no case*). При этом защита подчеркивает, что токсикологическая экспертиза – новая отрасль науки (*a new science*), которая не может дать вполне надежные результаты:

The prosecution case is built on one foundation stone, and that is toxicology. Without it there would be no case. In the context of this case, toxicology is a new science. It is untested by proven scientific methods. As establishing evidence of a level of morphine in anybody at the date of death, we contend that it is inherently unreliable and, therefore, unsafe.

Отметим использование адвокатом в приведенном примере прилагательных с отрицательно-оценочной коннотацией: *untested* (непроверенный), *unreliable* (ненадежный), *unsafe* (не вызывающий доверия). Слово *unreliable* использовано в речи адвоката 17 раз, не считая синонимичного словосочетания *not reliable* и существительного *unreliability*, что позволяет назвать его одним из ключевых слов, реализующих блок дискредитации обвинения.

4. Указание на необоснованные выводы прокуратуры, требующие заключения эксперта. Так, адвокат указывает на отсутствие психиатрической экспертизы и называет вывод обвинителя о том, что подсудимый имел комплекс превосходства и получал удовольствие от убийств, непроверенной, любительской психиатрической теорией (*amateur psychiatric theories*):

In opening the case for the Crown, Mr. Henriques suggested that there was a power complex behind the actions of Dr. Shipman. Well, where is the evidence? No psychiatrist has been called. Members of the jury, we are not here to consider amateur psychiatric theories. What is being sought in this case is proof. It was suggested, again by Mr. Henriques in opening, perhaps rather boldly, that Dr. Shipman actually enjoyed the killing of these women. Where is the evidence?

5. **Эксплицитное обвинение прокуратуры в «передергивании» фактов.** В следующем примере адвокат характеризует действия прокуратуры с помощью метафоры «ставят с ног на голову»:

He was prepared to go beyond the call of duty, and now what the prosecution in this case are trying to do is turn it on its head: turn that very caring evidence against him.

6. **Напоминание об ответственности обвинения доказать вину подсудимого.** Эта тактика выступает в качестве дополнения к вышеперечисленным тактикам, указывая на роль представленной в них информации. Отсутствие мотива и прямых доказательств, ненадежность косвенных доказательств и экспертных мнений, по мнению адвоката, лишают обвинение возможности доказать вину подсудимого:

Our contention is that in the absence of direct evidence to that effect, what thereafter is and has to be relied upon by the Crown does not and cannot meet the evidential burden which is and remains upon the Crown throughout this case.

Некоторые тактики адвоката построены на эксплицитном противопоставлении себя и своей позиции обвинению. Таковыми являются тактики 7 и 8.

7. **Представление позиции обвинения, сопровождаемое собственным альтернативным толкованием действий подсудимого.** Адвокат Шипмана указывает на обвинение подсудимого в том, что он совершал внеплановые телефонные звонки своим пациенткам и что толковалось прокурором против подсудимого. Адвокат же полагает, что такие звонки являются естественной частью работы врача, его правом и проявлением заботы о пациенте:

In the context of this case, and the way in which the prosecution has presented it, that has taken on a sinister significance, but the fact is that doctors do cold call, as it has been described. They have every right to cold call. It is part of their duty, their care for their patients.

8. **Представление позиции защиты как более надежной,** поскольку в отличие от позиции обвинения она опирается на факты и документы. Сравнение себя с прокуратурой выражено эксплицитно (*unlike Mr. Henriques... I will be asking you to look at documents* – в отличие от мистера Хенрика... я попрошу вас взглянуть на документы):

I want now to turn specifically to the toxicology evidence, and I hope this does not cause you problems, because unlike Mr. Henriques, when I will be dealing with toxicology and indeed some of the cases of individual patients, I will be asking you to look at documents.

Как замечает С. И. Володина, «задача адвоката – сообщить суду за минимально необходимое время как можно больше качественно значимой информации о материале судебного следствия, удержать внимание судей на своей версии дела, на способе его понимания, наиболее благоприятном для подсудимого, сделать соответствующий подход доминирующим при формировании внутреннего убеждения суда. Адвокат не сообщает суду ничего нового с точки зрения фактических обстоятельств дела. Он лишь истолковывает эти обстоятельства и обращает внимание на то, что полезно для целей защиты» [Володина]. Версия дела, благоприятная для подсудимого, формируется в значительной степени за счет оспаривания позиции обвинения. Поэтому неудивительно, что все перечисленные тактики блока «Дискредитация позиции обвинения» имеют ярко выраженный отрицательно-оценочный характер.

В качестве примера блока **передачи факультативной информации** рассмотрим блок «**Характеристика личности подсудимого**». Характеризуя этот блок, Л. Г. Кыркунова отмечает, что он «строится с использованием данных об образе жизни подсудимого, его поведении в семье и на работе, о личных качествах, чертах характера» [Кыркунова, 2010, 303]. Важно то, что адвокат – в отличие от стороны обвинения – будет выстраивать этот блок с положительно-оценочной направленностью, стремясь создать, насколько это возможно, положительный образ

подсудимого в глазах представителей правосудия. Рассмотрим, какие прагматингвистические тактики были использованы в рассматриваемом нами выступлении адвоката.

Положительная оценка профессиональной деятельности подсудимого занимает особое место в этой речи адвоката, что обусловлено спецификой самого дела: подсудимый совершал преступления, выполняя должностные обязанности врача. В связи с этим главной задачей адвоката было создание такого образа Шипмана-врача, который не мог бы ассоциироваться в сознании присяжных с образом убийцы. Положительный образ подсудимого как профессионала создается несколькими тактиками:

1. **Ссылка на большое количество пациентов**, желавших получать медобслуживание у Шипмана. Этот факт свидетельствует, по мнению адвоката, о том, что пациенты были удовлетворены (*satisfied*) заботой врача (*the care which he provided*) и что сам Шипман делал все правильно (*right*).

No patient had to register with Dr. Shipman, but the fact that so many did, must be something upon which inferences can be drawn. It is not an unreasonable inference to draw, from the size of that list, the fact that patients followed him and were satisfied with the care which he provided; the care which is at the very core of the medical profession: the doctor's duty to care for his patients<...> With a list size of 3,100, well above the national average, it does suggest that, in so far as the patients were concerned, Dr. Shipman must have been doing something right.

Выделенные в примере лексические единицы имеют положительную семантику и поэтому востребованы в процессе создания положительного образа подсудимого;

2. **Указание на созидательный характер деятельности** подсудимого, организовавшего свою частную практику:

Within his own surgery, the surgery that he created and built up, he wasn't a doctor who stood on ceremony.

Глаголы *create* (создавать) и *build up* (строить) помогают создать портрет человека, склонного к созиданию, а не разрушению и тем более убийствам;

3. **Указание на человеческое отношение подсудимого к людям**, родственникам пациентов, потерявшим своих родных. Адвокат объясняет, что отказ от вскрытия умерших пациентов обусловлен желанием подсудимого избавить родных от ненужного стресса (*unnecessary distress*) и неприятного опыта (*sparing them the unpleasantness of postmortems*):

Another example; when he goes to the homes and he talks to the relatives, he spares them the unpleasantness of postmortems <...> And Dr. Shipman surely cannot be the only doctor practising in this country who would wish and properly wish to spare relatives any unnecessary distress or grief at such a time.

В данной тактике адвокат совмещает создание положительного портрета подсудимого с альтернативным толкованием фактов, представленных в ходе судебного следствия. Толкуемый обвинением не в пользу подсудимого его отказ от посмертного вскрытия представлен в речи адвоката с иной стороны – как способ поддержать родственников умерших пациентов;

4. **Тактика уступки**, которая состоит в том, что адвокат указывает на некоторые недостатки в характере и личности подсудимого. Представляя некоторые черты характера подсудимого как чужаковости (*idiosyncrasies*), адвокат создает портрет живого человека с присущим ему своеобразием. Интересно, что говорящий прибегает в речи к генерализации, указывая на то, что у каждого человека (*each individual*) есть свои странности:

Each will do it according to his or her own style. As in any other field, each individual will bring to their job their own idiosyncrasies, some doing their job are more popular than others.

Адвокат использует тактику уступки в речи неоднократно. В одном из фрагментов он эксплицитно отмечает, что подсудимый не только врач, но и просто живой человек (*a human being*), который не может быть идеален во всем:

But he is a doctor and he is a human being, and like all of us he is not good at every single thing that he does.

Таким образом, несмотря на кажущийся отрицательно-оценочный характер тактики уступки, нам представляется, что она также способствует созданию положительного портрета подсудимого.

Список тактик рассмотренных блоков, безусловно, не является исчерпывающим и может быть значительно расширен и дополнен в результате дальнейшего изучения современных русских и английских материалов.

Что касается **метакоммуникации** в защитительной речи, то ее специфика состоит в том, что метакоммуникация может не только образовывать целые блоки, фрагменты высказывания, но и входить в виде отдельных метакоммуникативных средств в состав блоков передачи основной и факультативной информации.

Примерами объемных метакоммуникативных блоков являются фрагменты, в которых адвокат обращается к суду присяжных. Такие блоки ориентированы на контроль взаимодействия между участниками процесса, в частности между адвокатом и присяжными. Апелляции к присяжным, включающие императивные и вопросительные конструкции, местоимение второго лица *you*, направлены на то, чтобы разъяснить присяжным их обязанности. Такие обращения придают речи диалогический характер и создают атмосферу разговора. Несколько рекомендаций, которые дает суду присяжных адвокат на процессе по делу Хантли, включают следующие:

– использовать свой жизненный опыт и оставаться просто людьми, принимая решение по делу:

Do not be a juror, be you. It is not some special task you have to perform. It is your experience of life, everything you have learned of those years, which we ask you to bring to bear on everything you have heard in this case.

(Не будьте судьями, будьте самими собой. Вы не выполняете особое задание. Мы просим вас использовать в этом деле весь свой жизненный опыт и опираться на него и на все, чему вы научились за долгие годы.);

– не поддаваться эмоциям:

We have two girls aged ten who were alive and happy, who are now dead. And inevitably, that imposes great pressures on everyone concerned with the case. ... Do not be distracted by the fact that they were beautiful, happy, charming ten year olds.

(У нас есть две десятилетние девочки, которые были живы и счастливы и которые теперь мертвы, что неизбежно давит на каждого присутствующего. ...Пусть вас не отвлекает тот факт, что это были две красивые, счастливые и обаятельные десятилетки.);

– не поддаваться внешнему давлению:

It is going to be tough but it is vital and that is whatever you have read, whatever you have seen and heard on the television or radio, somehow you have got to bin that so it plays no part in your deliberations.

(Будет очень сложно, но это чрезвычайно важно. То, что вы прочитали, увидели или услышали по телевидению или радио, вы должны отбросить, чтобы оно не играло никакой роли в принятии решения.);

– не домысливать:

Try to avoid falling into the trap of speculation, because the essential difference is that speculation is not the evidence, it is not merely based on the evidence, it is in a sense ignoring the evidence.

(Постарайтесь не попасть в ловушку домыслов, потому что существенная разница состоит в том, что домыслы – не свидетельства. Домыслы не основаны на свидетельствах. В своем роде это игнорирование показаний.)

В приведенных примерах мы подчеркнули императивные формы и модальную конструкцию (*you have got to*) со значением долженствования, налагающие обязательства на адресата. Мы привели полный перевод английских примеров, чтобы наглядно продемонстрировать, что стиль обращения адвоката к суду предельно прост, ясен и лишен каких-либо «цветов красноречия».

Фрагменты разъяснительного характера не будут востребованы в речи, обращенной к профессиональному судье, но другие метакоммуникативные средства, выполняющие функции привлечения внимания и ввода темы, планирования и комментирования собственных речевых действий, обобщения результатов речевых действий, необходимы в любом случае. Структурирование собственного выступления в значительной степени определяет то, насколько четкое представление о предмете речи получит адресат, и метакоммуникативные средства, выполняющие структурирующую функцию, оказываются вплетены в блоки передачи основной и факультативной информации.

Планирование речевых действий и ввод темы маркированы такими конструкциями как *I am going to go back to that entry later in my speech* (Я собираюсь вернуться к этому пункту позже в своей речи), *let us go back, please, to the very start of all this* (пожалуйста, давайте вернемся к самому началу), *I am now going to concentrate upon* (я сейчас собираюсь остановиться на этом), *let us turn to* (давайте обратимся к). Введение уточнений может быть маркировано как *let me make this clear* (позвольте мне разъяснить), а комментирование собственных речевых действий представлено такими структурами как *I don't want anyone to think that I am criticising* (я не хочу, чтобы кто-либо думал, будто я критикую...), *I am not suggesting* (я не предлагаю) и т. д.

Таким образом, поддерживая идею о выделении в защитительной речи коммуникативно-прагматических блоков трех типов, мы считаем возможным и полезным с методической точки зрения более подробно определить наполнение этих блоков специфическими тактиками и языковыми конструкциями. Выделение и исчисление – без излишнего теоретизирования – тактик и отдельных языковых средств в рамках основных блоков позволило бы привлечь внимание начинающего адвоката к языковым формам и их функциональной ценности. Мы также полагаем, что на данном этапе создания руководств по судебной риторике более полезным может оказаться в силу указанных ранее причин не столько прошлый опыт отечественного судоговорения с присущим ему художественным пафосом, сколько современный подход к построению речи, применяемый в системе англо-саксонского права, с его акцентом на логичности, ясности и доступности профессиональной речи юриста. В связи с этим анализ английских материалов, а также сопоставительный анализ русских и английских материалов судебной речи позволил бы выявить универсальные правила и принципы составления защитительных речей, адаптировать английские рекомендации к российской действительности и применить их практически. Наш опыт сопоставительных русско-английских исследований судебного дискурса свидетельствует о возможности такого подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Артемова, Т. В.** Рец.: Ивакина Н. И. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учеб. пособие / Т. В. Артемова, П. А. Катышев. – М.: Юристъ, 2007. – 455 с. // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 427-432.
2. **Введенская, Л. А.** Риторика для юристов: учебное пособие / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 576 с.
3. **Володина, С. И.** Психологические и этические особенности защитительной речи / С. И. Володина // Сайт «Адвокаты XXI века». <http://www.bestlawyers.ru/php/news/archnew.phtml?id=381&idnew=5537&start=15> (дата обращения: 12.07.2012).
4. **Девяткина, В. В.** Современная речь адвоката в системе функциональных стилей литературного русского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / В. В. Девяткина. – Саратов, 2006.
5. **Дубровская, Т. В.** О роли метакоммуникативных средств в речи английского судьи / Т. В. Дубровская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2008. - №7(31). – С. 91-94.
6. **Дубровская Т. В.** Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Академия МНЭПУ, 2010. – 351 с.
7. **Ивакина, Н. И.** Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учеб. пособие / Н. И. Ивакина. – М.: Юристъ, 2007. – 455 с.
8. **Красовская, О. В.** О речевой коммуникации в судебной практике: учеб пособие / О. В. Красовская. – М.: Флинта: Наука, 2008а. – 128 с.
9. **Красовская, О. В.** Судебная коммуникация / О. В. Красовская. – Киев: Реферат, 2008б. – 347 с.
10. **Кузнецова, Е. А.** Композиционная организация судебной защитительной речи (на материале выступлений Ф. Н. Плевако) / Е. А. Кузнецова // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 108–113.
11. **Кыркунова, Л. Г.** Судебная речь: методика работы над композицией / Л. Г. Кыркунова // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева и Т. В. Чернышовой. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – С. 299–305.
12. **Недашковская, С. И.** Оценочное воздействие в судебной речи / С. И. Недашковская // Юрислингвистика-5: Лингвистические аспекты права и юридические аспекты языка: сб. науч. трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 156–164.
13. **Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ №41-О10-47СП (2010)** // Сайт Адвокатской палаты Кировской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://apco.kirov.ru/for_lawyers/58/1137/ (дата обращения: 12.07.2012).
14. **Румынина, В. В.** Введение в юридическую специальность: учебник / В. В. Румынина. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2007. – 208 с.
15. **Evans, K.** Advocacy in Court: a Beginner's Guide / K. Evans. – London: Oxford University Press, 1995. – 206 p.
- Sank, J.** Is the barrister communicating most effectively in court when he “steps into the shoes of the jurors”? / J. Sank // Электронный журнал «The Barrister».

[Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.barristermagazine.com/archivedsite/articles/issue17/communicating.html> (дата обращения: 12.07.2012)

17. **Stubbs, M.** Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language / M. Stubbs. – Oxford: Blackwell, 1983. – 272 p.

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ

1. **Huntley** (2003) – Стенограммы судебного процесса REGINA v. Ian Huntley and Maxine Carr (2003) // Персональный сайт Б. О’Махони. – Режим доступа: <http://www.bernardmahoney.com/forthcb/pdt/hajdocuments.shtml> (дата обращения: 6.05.2012).
2. **Shipman** (2000) – Стенограммы судебного процесса REGINA v. Harold Shipman (1999–2000) // Сайт с материалами процесса по делу Ф. Шипмана. – Режим доступа: http://www.shipman-inquiry.org.uk/archive_transcripts.asp (дата обращения: 12.07.2012).